

Татьяна Владимирова

*Сквозь
цветное
стекло...*

Татьяна Владимировна

СКВОЗЬ ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570099

ISBN 9785449351876

Аннотация

В твоей душе лежит сокровище – СЛОВО. Твой инструмент, твои струны, клавиши, регистры. Твой ноктюрн и симфония. Слово, «пока есть в горле влага, не без приюта». Оно звучит с экрана или со сцены прекрасного города у «самого синего моря» – с театром, колоннами и тремя смотрящими вдаль девами на фронтоне, оно произносится шепотом в облаках по дороге в самый многозвучный непредсказуемый огромный городище, где твое слово продолжается. Его исток – благодарность за «все, в чем был и не был виноват».

Содержание

Вместо предисловия	6
Филармония	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сквозь цветное стекло

Татьяна Владимирова

Корректор Анна Абрамова

Дизайнер обложки Мария Бангерт

Фото на обложке Александр Мишин

© Татьяна Владимирова, 2018

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5187-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

*Сочинская филармония в лицах: искусствовед
Татьяна Владимировна*

В декабре в Сочи побывала Татьяна Анатольевна Владимировна. Сочинцы старшего поколения помнят это имя. До переезда в США Татьяна Владимировна почти 33 года проработала в Сочинской филармонии. Ее авторские программы, с успехом представляемые на концертных площадках города-курорта и на местном телевидении в 70-х, 80-х, 90-х годах, запомнились сочинцам оригинальной подачей, виртуозно переплетающей энергию музыкального звука с одухотворенностью поэтического слова. Во время интервью она поделилась своими воспоминаниями о Сочинской филармонии и своей деятельности в качестве сценариста и ведущей концертных программ филармонии.

– Татьяна Анатольевна, оглядываясь назад, мы часто задаемся вопросом, для чего это было нужно? И на каждом жизненном этапе находим новое объяснение...

Пожалуй, сейчас я отвечу Вам словами Иосифа Бродского: «Я хочу, чтобы вы полюбили то, что люблю я». Так он сказал своим студентам. Лучше, по-моему, не скажешь. В те-

чение 33-х лет, с 1969 по 2001 годы, я делала все, чтобы мои слушатели полюбили то, что люблю я – поэзию и музыку.

Каким образом это воспринималось тогда, когда Вы еще совсем молоденькой приехали в Сочи?

– Наш (речь пойдет обо мне и моем муже) приезд в Сочи был напрямую связан с самыми первыми шагами Сочинской филармонии. После того, как концертно-эстрадное объединение было преобразовано в Сочинскую филармонию, ее первый художественный руководитель – народный артист Молдавии Давид Григорьевич Гершфельд – стал набирать специалистов. В числе приглашенных на прослушивание был и мой муж – Сергей Владимирович Владимиров. Он подошел по всем требованиям: солист-пианист филармонии, концертмейстер, при необходимости мог играть в эстрадном ансамбле. Это стало причиной нашего переезда в Сочи. К тому времени я окончила филологический факультет Саратовского государственного университета, защитив не совсем обычную для филолога дипломную работу «Тургенев и музыка». В Сочи сначала работала на телевидении редактором литературно-музыкальных передач, потом я приняла приглашение работать в филармонии, не отказавшись вовсе от телевидения.

С кем начинали и с чего начинали работу в Сочинской филармонии?

– Два выпускника Ленинградской консерватории: бас-баритон Александр Петрович Котенко и тенор Виталий Федосович Букатко одними из первых влились в творческую семью новой концертной организации. Вместе – Саша, Виталий, Сережа и я, все молодые и активные – мы составили творческую группу и стали выступать на сочинских площадках. Самая первая наша программа, подготовленная по просьбе работников музея имени Николая Островского, называлась «Сквозь бури». Она получилась очень душевной, потому что мы смягчили большевистскую правду, революционную борьбу и трагедию этой личности человеческой лирикой. В программе много внимания было уделено музыке, матушке Николая Островского, Ольге Осиповне, к которой он нежно относился, встречам писателя с музыкантами, в частности с пианистом Александром Гольденвейзером, игра которого очень растрогала его. Эта программа шла долго – вплоть до 90-ых годов, слушателями ее стали юные и взрослые сочинцы и гости курорта.

Основой для следующей программы стала моя дипломная работа. В ней исполнялась музыка, звучавшая некогда в доме Полины Виардо, а также удивительно мелодичная проза Ивана Сергеевича Тургенева. Я рассказывала, конечно, о любви Тургенева и Виардо, о вдохновении, источником которого она была, о том, как пели тургеневские рощи и звонко трепетал чуткий воздух... Артистка разговорного жанра Галина Куприянова читала отрывки из «Дворянского гнезда»

и «Певцов». Пела солистка филармонии Изабелла Гаспарян, играли виолончелист Валентин Татаренко и пианист Сергей Владимиров. До сих пор звучат в душе строки из стихотворения в прозе «Стой!», отражающие самую суть той программы: «Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!»

Что было в 70-е, какие программы напоминают об этом времени?

– «О Бахе, органе и величии души». Я тогда прочитала новеллу Владимира Одоевского «Себастьян Бах», она взбудоражила мою фантазию, на одном дыхании я написала литературно-музыкальную композицию. Сергей уже владел игрой на электрооргане, исполнял на нем Баха – это было его открытием. Получалось, что мы пропагандировали Баха, орган и творчество Одоевского. Мы обожали это наше творение! Но не могу сказать, что культработники здравниц разделяли наши чувства. Они предпочитали то, что попроще и повеселей. Однако неизменно, практически ежемесячно, эту программу заказывали руководители культмассовой работы санатория «Актер» и пансионата «Знание». Мой младший сын сделал хороший перевод новеллы, и по возвращении я подарю ее в знак благодарности органисту одной церкви, где каждую неделю слушаю в его исполнении получасовые программы музыки Баха.

В 70-ые годы телевидение совместно с филармонией за-

думало цикл творческих встреч, который назывался «Союз труда и искусства». Я как автор сценария и ведущая концерта ехала в какой-нибудь коллектив, где знакомилась с ветеранами, молодежью, людьми интересной судьбы, потом писала сценарий программы. Хорошо помню такой праздник в честь «Мацесты». В назначенный день сотрудники «Мацесты» заняли места в зрительном зале, а я и солисты филармонии вышли на сцену, чтобы чествовать их. Знаете, это были хорошие теплые встречи – у людей был праздник, они были рады, что артисты уделили им внимание. Резонанс был большой, слава о нас разнеслась по всему краю, и мы стали проводить такие встречи уже на Кубани. В Зимнем театре была оформлена выставка из фотографий под заголовком «Союз труда и искусства». В конце 70-ых годов колхозы края стали отмечать свои 50-летия. Юбилеи шли друг за другом, и мы почти каждый месяц выезжали в какой-нибудь колхоз. Сначала готовили программу, потом ее проводили, потом колхозники с благодарностью и радушием говорили нам теплые слова и вкусно нас угощали.

– Чем запомнились 80-ые?

– Артисты Сочинской филармонии продолжали выезжать на гастроли в различные города России. Особенно запомнился творческий отчет Сочинской филармонии в Москве, прошедший вскоре после Олимпиады-80 в Олимпийской деревне. Мы сделали программу из двух отделений, в которой

выступали все ведущие солисты и коллективы нашей филармонии, а я была ее ведущей. Потом был творческий отчет в Краснодаре, который полностью, не изменив ни слова, записали на пленку – два дня этот концерт транслировали по радио.

– Несложно предположить, что 90-ые многое изменили в деятельности филармонии и ее сотрудников...

– Атмосфера 90-ых была просто ужасная: какая-то сумятица, бездуховность и безысходность... Мы начали внутренне сопротивляться всему происходящему, что-то придумывать. В этот период появился фестиваль «Его величество Рояль», который мы вместе с Татьяной Юрьевой Агафоновой, возглавлявшей фортепианное отделение музыкального училища, и ее учениками проводили в Татьянин день. В этом фестивале обязательно принимал участие какой-нибудь известный исполнитель, профессор консерватории, чтобы соединить молодых студентов с маститым музыкантом в совместном музицировании. Тогда же родился и фестиваль «Виолончельные дебюты», который проводился в преддверии международного женского дня. Так для сочинцев засверкали звездочки талантливого педагога Эммы Агасиевны Налбандян.

Плод раздумий и сложных переживаний – программа 1995-ого года об Альберте Швейцере. В глухие времена как никогда нужны светлые личности, светочи. Известный орга-

нист, профессор теологии сел на студенческую скамью, чтобы стать врачом и поехать в Африку лечить аборигенов! У него был идеал – его великий Бах! Он написал о нем дважды: на французском и на немецком – прекрасную книгу, он исполнял его сочинения, но ему казалось, что этого мало, чтобы быть достойным Баха, и он совершил свой подвиг врача в глухом поселке Ламбарене... Очень дорога мне и программа тех лет, посвященная 60-летию композитора Альфреда Шнитке. В то время он вместе с врачами и своей прекрасной женой мужественно боролся за свою жизнь. Во время командировки в Москву я познакомилась с его братом, – поэтом Виктором Шнитке, и пригласила его в Сочи. Он приехал и читал в концерте в честь брата свои замечательные стихи. А еще была программа, посвященная Александру Вертинскому. Она называлась «Над розовым морем». Это такой лучик света с дивными романсами, букетом цветов, длинными перчатками и легкой долей кокетства! С этой программой мы ездили и в Москву, и в Минводы, и по городам Кубани. Я не сказала еще о «Часе души», может быть, самой сокровенной моей исповеди на сцене: «Золото моих волос тихо переходит в седость, не жалейте – все сбылось, все в душе слилось и спелось»... С Мариной Цветаевой я пережила ликование, грусть и... свой юбилей!

– Расскажите, о чем грустите в Нью-Йорке? Часто ли вспоминаете Сочи? Чему посвящаете свою

жизнь?

– Я не вспоминаю Сочи, я его частица, просто переехала на другую улицу, так сложилось... Перерождения не произошло – вспоминать мне никого не надо, все и так со мной. Я не могу сказать, что мы страдали от ностальгии, но что-то с нами происходило... Мы ревели, когда в концерте черная певица исполняла «Вокализ» Рахманинова. Муж сопровождал занятия в хореографической студии, а я помогала хореографу сделать отчетный концерт в форме спектакля о Сергее Есенине и Айседоре Дункан. Для постановки обязательно был нужен русский элемент. Им стала песня «Тонкая рябина» в исполнении солистки нашей филармонии Людмилы Шашиной – несравненном меццо-сопрано. Когда мы поставили запись и включили ее, сцена повторилась: этот голос – такой теплый, одинокий и далекий теперь – сразил нас. Пока последним моим опусом является этюд «Судьбы скрещенья» – долина Коннектикут, русская деревенька в Америке, первым поселенцем которой был Илья Львович Толстой, мои внуки, прах мужа в подворье церкви, где играет на органе мой старший сын, и все это поразительным образом переплелось в моей судьбе с музыкой великого Рахманинова и поэзией тревожного и устремленного к небесной выси поэта Иосифа Бродского.

Я выступала с этой работой на конференции пушкинского общества в Нью-Йорке, я шла к ней всю жизнь...

– Если подвести итог нашей беседы...

– Мне повезло заниматься тем, что для меня бесценно, за это я благодарна городу, признавшему меня, и моим талантливым спутникам на сцене и в жизни.

Лариса Остренко.

*Главный редактор официального Интернет-портала СКФО,
декабрь 2015 г.*

Филармония XII 1966 — IX 2001

*Мы смотрим на солнце
сквозь закопченное стекло;
на прошлое нужно смотреть
сквозь цветное.*

Джулиан Барнс

Первое впечатление – колонны на сине-голубом фоне неба, впадающего в море, пальмы в каплях солнечных бли-

ков, разлитое всюду тепло... Непривычно легкомысленный декабрь... Безмятежный прохожий не кутается в воротник, а, разморившись, нежится в лучах! Все зелено... кое-где на газонах даже пробиваются мелкие желтые цветочки...

К вечеру картина становится таинственной...

Вдоль колонн прохаживаются какие-то экзотические существа. Вот полноватый, в непривычно свободных одеждах, длинноволосый, седой, подчеркнута горделивый «барин» с жестами фокусника, явно желающий обратить на себя внимание. Вот худенькая девушка, прехорошенькая, гибкая, как лоза, с огромными черными глазами-маслинами, словно балерина из сказки о стойком оловянном солдатике, на локте – пакет, а из него – вязальные спицы... Вот со своей молоденькой напарницей – стареющий щеголь в оранжевом, с дрессированной птицей на плече... А вот очень колоритная, крупная, но легкая в движениях игривая дама яркой армянской наружности, запыхавшись, подлетает к намеченной цели и, достигнув ее, вдруг начинает хохотать сочным раскатистым меццо-сопрано! А это сбегает по ступенькам юркий колобок со скрипкой под мышкой, отмахиваясь от оклика, – торопится! Все ярко, броско, неожиданно, дерзко и выглядит дягилевским спектаклем в костюмах и декорациях Бакста, разыгранным на подмостках под открытым небом. На самом же деле – это происходит в реальной жизни у подножия Зимнего театра, в декабре 1966-го. Действующие лица – артисты концертно-эстрадного объединения, они соби-

раются «на выезд» у служебного входа, т. е. ждут автобус, который повезет их выступать в какой-нибудь санаторий, а пока они просто общаются друг с другом. Каждый – подчеркнуто индивидуален, ярко выражен и почти каждый безмерно самолюбив – АРТИСТ! Совсем скоро это объединение будет преобразовано в филармонию, состав творческого коллектива постепенно поменяется, пополнится молодыми исполнителями классического репертуара, но фундамент этого будущего уже заложен, и можно строить дальше.

Первые директор Семен Георгиевич Инкин и художественный руководитель Давид Григорьевич Гершфельд – близнецы-братья: оба одного росточка, невысокие, оба демократичные, общительные, шустрые, инициативные, но каждый – себе на уме! Придя как-то с мужем к выезду на концерт, сама еще безработная, я стояла в толпе артистов в служебном фойе, когда откуда ни возьмись к ней подошел веселый разбитной мужичок в клетчатой ковбойке. Заметив новое лицо, рубаха-парень спросил, кто это. Меня представили, и он тут же, не раздумывая, душа нараспашку, предложил: к нам, к нам! Подняв бровь, я ответствовала, что мое место – на телевидении! Когда он распрощался и ушел, я в свою очередь спросила, кто это.

– Директор! – отвечали мне с хохотом.

С худруком мое знакомство произошло позже, хотя именно по его инициативе мы оказались в Сочи: муж был приглашен на прослушивание и по результату принят солистом-пи-

анистом и концертмейстером. Уже в качестве редактора студии телевидения я пришла к Давиду Григорьевичу, чтобы расспросить его о формировании филармонии, творческом составе и задачах, которые он ставит, и информировать об этом важном событии наших телезрителей. Многие годы мы будем связаны творчеством, оба родоначальника станут нам близкими людьми, ведь наши биографии будут складываться с их участием. А они относились к артистам с уважением и пониманием, хотя обладали опытом далеко не однозначным, часто не созвучным: один – административный работник, заведовавший отделом пропаганды Горкома КПСС, другой – совсем не кабинетный, не привыкший к подчинению кому бы то ни было, творчески непредсказуемый композитор – народный артист Молдавской ССР. Но именно их совместными стараниями формировалась филармония, приглашались в коллектив выпускники лучших консерваторий страны, благодаря им в город на гастроли приезжали выдающиеся исполнители, дирижеры, симфонические оркестры, театры.

С уважением вспоминаю первое поколение исполнителей. Это были уже состоявшиеся, уверенные, знающие себе цену артисты со своими пристрастиями, вкусами, пониманием жизни. Некоторые из них дружили со столичными звездами, поддерживая тем свое реноме, и интересно было в том, довольно замкнутом мире, где мы тогда жили, узнавать от них подробности «олимпиа». Они преданно служи-

ли искусству. Словом, молодым было чему у них поучиться. Но было и от чего отказаться – артистический мир субъективен, противоречив, порой беспощаден и несправедлив, нам открывался он прежде всего в поступках «опытных». Очень важно было для каждого из нас не потеряться в этом сложном мире.

Мысленно возвращаясь в те шестидесятые годы, вспоминаю все в сценах и событиях, деталях, репликах и лицах. Живо представляю музыковеда Иосифа Марковича Маевского! Вот он чинно подходит к театру, выставляя вперед трость, в помощи которой вовсе не нуждался, но она придавала значительности его невысокой фигурке с вздетой вверх головой! Он очень «держал себя»!

Никогда не выходил из образа! А что пряталось за образом? Кто знает. Он был сам – , один, не помню, чтоб он с кем-то горячо дружил, но и не ссорился. Был очень самолюбив, не терпел никаких шуток в свой адрес. Однажды его изобразили в капустнике. О! Он испепелил пародиста и взглядом, и презрительным словом об отсутствии у того таланта, причем произнес он это слово походя, не удостоив своего обидчика чести предстать пред его, мэтра, очами! Артистический люд слагал о нем притчи: когда выпрямляли дорогу Сочи – Адлер, по которой мы ездили в санатории, появился тоннель, въездом в него служила (и служит!) арка с огромной «М» наверху. Кто-нибудь из артистов, завидев ее первым, непременно с явным удовольствием поставленным голосом отчет-

ливо читал:

– Маевский!

Повторялся и анекдот, неизвестно кем придуманный, но прижившийся в устной летописи, о том, что знаменитый музыковед, друг Шостаковича, Иван Иванович Соллертинский, заболел манией величия – он ходит по кабинету и повторяет:

– Я – Маевский! Я – Маевский!

У Иосифа Марковича как авторитетного члена художественного совета было всегда строгое бескомпромиссное требование к исполнителю, он играл роль камертона, по которому безошибочно проверялось качество принимаемой программы. Порой его оценка, если это касалось коллеги, была не беспристрастной, со временем я научилась относиться к этому вполне, по-моему, разумно: не обижаться, а улавливать суть и благодарно принимать замечание, а к остальному относиться снисходительно. Снисхождению к другим надо было учиться, это очень полезное свойство, особенно «в зоне повышенной опасности», то есть – зоне повышенных амбиций.

Однажды (мы жили тогда в Летнем театре, Зимний был на ремонте), я сдавала худсовету программу «Русская народная песня». По-видимому, решила «опроститься», т. е. выглядеть попроще, поближе к «народу», соответствовать, так сказать, теме, и предстала с распущенными волосами. Все прошло хорошо, я вышла из театра. Светило солныш-

ко, воздух был какой-то мягкий, ласковый, море внизу искрилось и играло – блаженство! Появился Иосиф Маркович, он подошел ко мне и повелительным жестом пригласил присесть на скамью. Он говорил со мной очень дружелюбно, даже с какой-то отеческой заботой, вставляя, однако, для порядка время от времени, как бы между делом, язвительные междометия, а под конец вдруг сказал:

– И пожалуйста, причесывайтесь, как прежде, зачем Вам это?

С тех пор никто никогда не видел меня на сцене «лохматой». Иосиф Маркович – личность для нашего города уникальная, и то, что он оказался в Сочи, было большой удачей. Его знания послужили городу в полную мощь. Не одно поколение выпускников музыкальной школы, где он преподавал много лет, пользовалось полученными от него сведениями и навыками, я не встречала ни одного, кто бы не отозвался с уважением о его уроках. Иосиф Маркович имел склонность к жанру монографии, его концертные программы часто таковыми и становились. Если уж Чайковский, то – обзор всего творчества, если оперные достижения Верди, то будет последовательно изложена вся хронология. Помню, довелось мне слушать его беседу о советской песне – не очень его тема, не слишком уютно он в ней себя чувствовал, не его размах! И все же нашел, чем зацепить курортного зрителя! «Опера, – объяснял он, – длится три часа, а песня – всего три минуты, но сколько в ней можно сказать!» Иосиф Маркович на-

писал научную работу о том, как соединились музыка и живопись в жизни художника-сказочника Ивана Билибина, мало кто знал об этом. А в девяностые, когда все вокруг разоряли, был безжалостно и недальновидно уничтожен и наш музей в Зимнем театре, который с большой любовью собирала Валентина Ивановна Хрящева – главный администратор (ее заботой была директорская ложа) и одно время, по моему, заместитель директора театра. Мне позвонила Елена Вячеславовна Коломийцева, наш звукорежиссер и активистка, и сообщила, что на полу комнаты теперь уже бывшего музея валяется много фотографий, в том числе мои и Маевского. Я побежала, забрала кое-что, в том числе портрет Иосифа Марковича, и теперь прилагаю его к этим воспоминаниям. Он был в свое время напечатан в газете «Черноморская здравница» вместе с моей статьей-некрологом памяти артиста. Жаль, что не раньше...

Яркая глава в историю филармонии вписана четой Заслуженных артистов России певицы (сопрано) Людмилы Александровны Бровкиной и пианиста Сергея Аркадьевича Бабова. В упомянутом уже интервью, ради которого я впервые появилась в филармонии официально, в кабинет художественного руководителя вошла во время нашей беседы Людмила Александровна, «молода, стройна, бела, и умом, и всем взяла». Она только что возвратилась с победой из Москвы, и художественный руководитель познакомил меня с лауреатом Всесоюзного конкурса исполнителей советской песни.

Очень состоятельным был этот творческий семейный тандем: создаваемые артистами программы всегда готовились с особой тщательностью, отличались хорошим вкусом, исполнителям удавалось, учитывая разношерстные пристрастия публики, не делать ей реверансов. Эффектно исполненная фортепианная партия великолепно поддерживала голос, ансамбль был согласным и в музыкальном, и в эмоциональном отношении, что производило впечатление на слушателей, всегда успешные выступления доставляли радость. Весь уклад семьи был подчинен творческим целям и мог служить примером. Никто не удивился, что дети пошли по стопам родителей: дочь и сын унаследовали профессию отца, оба – пианисты. Аркадий переехал в Москву, а Елена работает в филармонии, она обладает всеми творческими достоинствами своей семьи: всегда подготовлена, разыграна, ответственна, точно следует нотному тексту, указаниям композитора, слушает исполнителя, работать с ней в качестве солиста, будь ты инструменталист или вокалист, надежно и удобно. Людмила Александровна на своем продолжительном творческом пути несколько лет проработала художественным руководителем, и несомненной заслугой ее на этом поприще было появление в филармонии струнного квартета, что стало ступенькой вверх в ее развитии. Последние годы она отдала еще одному важному делу – привела в идеальный порядок библиотеку филармонии. Не знаю, как распорядились с этим богатством в период так называемых преобразований, может быть ее по-

стигла участь музея, если так, не хочу об этом знать и спешно перехожу к следующей странице...

Веселый жанр куплета, фельетона, скетча – дело опасное: все время на грани пошлости! Публика – в восторге! По нынешним разгульным временам, когда можно все, то, что я цитирую – сама невинность. Ну что там, право:

*– Так мне сказала тетя Нюра,
Что в санатории «Прибой»
Завел ты с кем-то шуры-муры,
Кого-то видели с тобой!
Ты не на ту, дружок, нарвался,
Рыдать не буду в три ручья,
Отдай часы, трусы и галстук,
Что подарила сдуру я!*

Но тогда! Не знаю, как мог пережить это строгий Иосиф Маркович и другие члены худсовета, которому только волю дай – не поскупится на метафоры! Но все дело в том, что исполняла сей курортный шедевр талантливая, очень музыкальная, обаятельная артистка разговорного жанра Вера Михайловна Плесцова! И на сцене, и в жизни она обладала отличным вкусом, просто бог сотворил ее веселой, легкой, подвижной, игривой и бесконечно музыкальной, потому она и выбрала этот жанр. В своих фельетонах, разыгрывая нехитрую бытовую сценку, она как бы приподнимала ее, делала удобоваримой, и всегда скрашивала музыкальным

сопровождением, в подборе которого была очень капризна, требовательна, но за хорошее предложение могла и расцеловать, что однажды и произошло на моих глазах. Она сразу заприметила появление нового молодого пианиста, который был переполнен всякими музыкальными фантазиями, музицировал смачно, без затруднений, рассчитывая на несомненный успех. Стали работать вместе, и однажды она пришла на репетицию к нам домой. Исполнили... Сергей финишировал сверкающей импровизацией, от которой она пришла в восторг, чмокнула его в затылок при молодой жене и тут же была отмщена: начинающая лысеть макушка была натерта перцовой настойкой! Когда я переходила на работу с телевидения в филармонию и меня прослушивало жюри, Вера Михайловна очень серьезно, доказательно меня поддержала. Позже предложила:

– Хочешь я с тобой позанимаюсь?

– Конечно, спасибо!

Начались уроки, и я сразу поняла, что ее методы мне не подходят: она старалась сделать из меня что-то похожее на нее, требовала повторять ее интонации, жесты. Но я не собиралась и не могла исполнять фельетоны, и мне совсем не хотелось, казалось неестественным произносить мои собственные тексты в ее манере, профессии у нас были разговорные, но разные. Она не обиделась, приняла мои доводы, и все пошло своим чередом... Спрос на ее выступление был велик, она постоянно пребывала в творческом тону-

се, не отказывала себе в сладости уязвить кого-нибудь за серость в искусстве, иногда попадала в цель, иногда неосторожно обижала. Нет, она не была интриганкой, просто любила себя лишний раз показать, а в общем – открытая, общительная и вполне дружелюбная симпатичная особа, подарившая нам шедевр, который был мгновенно подхвачен артистами разных видов и жанров и зазвучал «на всех дорогах, которые мы выбирали». Однажды во время летнего отпуска я шла по Невскому проспекту, вижу – навстречу Вера Михайловна в какой-то немислимой панаме, с эффектной сумкой, в ярких сандалиях! Кинулись навстречу друг другу, как Кол и Сэм у Флатерона – знаменитого «Утюга» в Нью-Йорке на углу пятой авеню и двадцать третьей стрит. Только в новелле О’Генри герои кинулись друг к другу будучи врагами, и это неожиданное объятие было братанием одиночеств в круговороте чужих людей. А в нас играл восторг от случайной встречи в ленинградском великолепии, и мы радостно обнялись: родные! Мы ж из одной филармонии!

К первому поколению принадлежали еще две «разговорницы», две колоритные и ярко противоположные по характеру творчества исполнительницы – Вера Лапина и Антонина Лалова. Первая – худая, саркастичная, с низким (курила) голосом. Она читала классику. Мне особенно нравился ее Паустовский: она была земная, без охов-ахов, но в то же время романтическая и умная. В быту за словом в карман не лезла, выпаливала свое мнение без задержки, тут же ухо-

дила прочь и для оправданий или извинений не возвращалась! Вторая – была достойна кисти Рубенса: роскошные формы, уверенный, среднего регистра голос... очень правильная, очень советская, знала конъюнктуру, читала злободневные стихи, нравилась себе и достойно несла свою миссию. Была практична, это свойство пригодилось ей на посту парторга: она умела помочь артисту в трудной житейской ситуации, работала в связке с Инкиным и Гершфельдом, все у них было ладно, и коллектив от этого только выигрывал. Антонина Александровна дружила с замечательным режиссером из Москвы – лауреатом Всесоюзного конкурса чтецов Евгенией Гардт. Это была пожилая аристократка с холеными выразительными руками, прямой спиной, несчетными манерами и, конечно, безупречным вкусом. Она поставила нам композицию «Тургенев и музыка» (по страницам моей дипломной работы), добилась, чтобы филармония разорилась на соответствующие программе сценические костюмы, в своих указаниях шла от текста, что мне очень импонировало, я с удовольствием и почтением выполняла все ее требования. Галина Куприянова подготовила с ней для этой программы рассказ «Певцы» и сцену импровизации Лемма из «Дворянского гнезда». Годы спустя, когда судьба развела наши дороги в разные стороны, Галина уехала в другой город, стала со временем мастером художественного слова, выступала с сольными концертами и писала мне, что тургеневские произведения, сделанные с Гардт, – едва ли не самые

прекрасные страницы в ее многолетнем творчестве. Антонина Александровна приглашала Евгению Борисовну на все лето в свой дом, и мы обретали возможность готовить с ней новые программы.

Еще один фейерверк – Татьяна Пастухова (Замуленко). Певица от бога! Эмоций – «сверх рта и мимо рук». Не помню ее в состоянии покоя: вечно в каких-то ситуациях, происшествиях, восклицаниях, возмущениях, восторгах! Реагировала на все! Обо всем имела собственное суждение! Интересовалась буквально всем – черными дырами, бермудским треугольником, египетскими пирамидами... И пела, пела, пела без устали! Какой-то уникальной выносливости голосовой аппарат, сильное от природы красивое сопрано, поставлен голос тоже, по-моему, природой, хотя и школа преотличная – Киевская консерватория! Она была всеядной, петь хотела все. Не помню, к сожалению, довелось ли ей исполнять Вагнера, но говорила она об ариях из его опер восторженно и с мечтой! Она не осуществилась в полной, предназначенной ей талантом мере. Причин тому – достаточно: специфика города-курорта в немалой степени определяла репертуар, направляя его в сторону развлекательности. Не каждый артист готов был подготовить серьезную программу всего на один раз, чтобы выступить с ней в абонементе и навсегда забыть. Чаше время и силы уходили на то, чтобы обновить расхожий, отвечающий спросу заказчика, то есть культурного работника санатория, материал. Кроме того, у Татьяны Фе-

доровны домашних забот был полон рот: трое детишек и она одна... Но – она умела держать марку, на сцене, если хотела, была королевой! Мне особенно запомнилось ее последнее выступление, после этого она, кажется, уже на сцену не выходила...

Готовила я вечер старинного романса в Зимнем театре. Условия шикарные, технические возможности давали разгул фантазии, и я напридумывала! Татьяна Федоровна тогда была уже, как это у нас называлось, на заслуженном отдыхе. Но, встретив ее однажды в городе, я подумала, что в ней еще столько огня и перца, что и молодым на зависть! Но обстоятельства принуждали ее быть не у дел. Тогда-то я задумала дать ей возможность в моей программе встряхнуться, ожить творчески и, я в этом была уверена, принести успех концерту. Сомнений в том, что голос ее звучит, не было. Нужен был повод. Вспомнила рассказ «Последний концерт» – о певице, которая, исполняя романс, прощается со сценой, но остается в звучании этого зала, в памяти тех, кто любил ее... И включила его в сценарий вечера. Татьяна Федоровна вышла в безупречно исполненном совершенно новом концертном туалете: узкое прямое из черного панбархата платье с рукавами по локоть, из-под них – ярко-красного атласа пышные длинные рукава и такой же, очень деликатный, бант на лифе, и красные изящные на высоченном каблуке туфли! Взрыв аплодисментов! Я сидела в директорской ложе и читала рассказ в микрофон, как бы «песнь певца за сце-

ной», а на сцене царствовала она! Я имела возможность все видеть как зритель. Известно: исполнитель должен держать свои эмоции в узде, неровен час – они вырвутся наружу, что тогда? Но они вырвались! Правда, пока Татьяна Федоровна пела, я могла проглотить слезы и как-то выдохнуть... Она была великолепна: ее рiано в конце романса... в нем было все, все, что могла вместить в себя жизнь АРТИСТА и жизнь ЖЕНЩИНЫ, все взлеты и падения, все надежды и все утраты, все сбывшееся и все, что продолжало брезжить мечтой... Тишина, воцарившаяся в зале, простертые в темноту руки певицы остались в моей памяти навсегда. Потом, в следующие дни, до меня доносились суждения и восторги, слова и вздохи в адрес артистки, все это уже была суета, не в том суть... Мне казалось, что именно этой капли и не хватало, чтобы портрет великолепной, но недовершенной артистки, был завершен, и можно было сказать: не говорите, что она что-то не успела, она сделала все и поведала нам обо всем, что было в душе, и исполнила ей назначенное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.